

Сейитбекова С.С.

АР КАНДАЙ ТИЛ МАДАНИЯТЫНДА УБАКЫТ КАТЕГОРИЯСЫН
КӨРСӨТҮҮ ЫКМАЛАРЫ

Сейитбекова С.С.

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В РАЗНЫХ
ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

S.S. Seitbekova

WAYS OF EXPRESSING THE CATEGORY OF TIME IN DIFFERENT
LINGUISTIC CULTURES

УДК: 81/811.161.1

Макалa Америка жана кыргыз маданияттарынын тил таануудагы убакыт категориясын чагылдыруунун жолдорун баяндайт. Америка жана кыргыз маданиятынын келечекке умтулган түзмө-түз кабыл алынуусунда кандайдыр бир айырмачалыктар байкалат. Эки тилди салыштууруда чактын синхрондук категориялары дал келбей калгандыгы бир эле тарыхый мезгилдеги тилдер өнүгүүнүн ар кандай деңгээлдеринде болуп калышын белгилеп коюу абзел.

Негизги сөздөр: бүдүүн убакыт, маданият булакта, каркас, дүйнөнүн тилдик сүрөтү, абстракттуу категория, салттуу маданият, өтүшүп кеткен байланыш.

Статья раскрывает способы выражения категории времени в лингвистике американской и кыргызской культур. Различия в восприятии времени в английском и кыргызском языках проявляющиеся в видовременных системах культуры двух народов, ориентированные на прошлое, настоящее и будущее. Для американской и кыргызской культур свойственны линейное восприятие времени и устремленность в будущее, однако наблюдаются определённые различия. Важно отметить, что из-за относительности категории времени синхронизация может не срабатывать на стыке двух языков и одно и то же историческое время языки могут находиться на разных стадиях развития.

Ключевые слова: монохронное время, матрица культуры, фрейм, языковая картина мира, абстрактная категория, традиционная культура, коммуникативные осложнения.

The article reveals the ways of expressing the category of time in linguistics in American and Kyrgyz cultures. Differences in perception of time in English and Kyrgyz languages are manifested in the temporal cultural systems of two peoples, focused on the past, present and future. For the American and Kyrgyz cultures, linear perception of time and aspiration for the future are typical, but there are certain differences. It is important to note that because of the relativity of the time category, synchronization may not work at the junction of the two languages and the same historical time languages may be at different stages of development.

Key words: monochrome time, culture matrix, frame, language picture of the world, abstract category, traditional culture, communicative complications.

Авторы теории лингвистической относительности Э.Сепир и Б.Уорф первыми обратили серьёзное внимание на способы выражения категории времени в разных лингвокультурах. Пространственно-временная парадигма просматривается в каждом элементе

лексического и грамматической систем языков.

А.Эйнштейн утверждал, что именно язык был главным противником его теории относительности, ибо диктовал расчленение категорий времени и пространства, в то время как на самом деле они являются нерасторжимым целым и существуют в тесной взаимосвязи и взаимозависимости [Nostrum 2000:11].

Среди разных временных систем, рассматриваемых учеными, выделяются: 1) техническая (научное исчисление времени); 2) формальная (лунные фазы, смена времен года, приливы и отливы и т. д.); 3) неформальная (*существующие* в различных культурах понятия, связанные со временем: продолжительность определенных событий, приемлемое время ожидания, допустимое время опоздания).

Широко распространенными являются понятия полихронного (*polychrome*) и монохронного (*monochronic*) времени, восходящие к работам Э.Холла. Это две системы, существенно различающиеся логически и эмпирически. Монохронное время делимо, действия последовательны, каждому действию отводится определенный отрезок времени. В западных обществах подобное отношение к организации жизненного опыта является настолько прочно устоявшимся, что кажется единственно возможным. С точки зрения Холла, однако, монохронное время является усвоенным, оно не присуще человеку от природы, не обусловлено биологическими ритмами человека, не экзистенциально по своей природе. С другой стороны, полихронное время воспринимается как более абстрактная категория, допускается выполнение нескольких действий одновременно, основное внимание уделяется выполнению самих действий, а не составленному заранее расписанию, ритм жизни более медленный. Соответственно, как пишет Н. Л. Грейдина, «западная матрица культуры определяется как техногенная, с ускоренным темпом развития автоматизации и технологии, преобладанием научно-рационалистического осмысления картины мира. Восточная модель <...> выступает как традиционная культура с замедленным темпом развития, доминирующим канонизированно-мифологизированным типом ментальности» [Грейдина 1999: 15].

Американской культуре, прагматической по своей природе, присуща полная организации времени ради

самой организации, а не осуществляемых ею функций. В профессиональном мире постоянная занятость (или иллюзия занятости) становится синонимом эффективности. Человеческие отношения приносят в жертву линейной организации времени, пытаются следовать искусственно составленному расписанию как отражению ценности американского общества – экономному расходованию времени.

В кыргызской культуре, занимающей промежуточное положение между Югом и Севером и преимущественно монохронной, элементы полихронного поведения присутствуют в большей степени, чем в американской, что, с одной стороны, проявляется в известном хаосе, неупорядоченности времени, попытке одновременно выполнять несколько задач, а с другой – в большей склонности отдавать время креативным видам деятельности и личному общению:

“For Kyrgyz, time is not measured In minutes or hours but more likely in days, weeks, and months. The venerated virtue is not punctuality, but patience. <...> Once prodded, however, Kyrgyz can show prodigious bursts of energy and will work round the clock to complete the job” [Richmond 1996: 129-130].

Важно помнить, что в разных культурах присутствуют элементы как монохронного, так и полихронного времени, различаясь по удельному весу того и другого типа. Это положение часто игнорируется, культуре бездумно присваивается ярлык полихронной или монохронной без учета сложного характера взаимоотношений различных аспектов. Например, во время поверхностной ориентации перед отъездом в Кыргызстан американцев инструктируют о ее полихронной культуре. Такой подход, как правило, порождает определенные ожидания и стереотипы. Поведение людей, склонных к опозданиям и неорганизованному поведению (которые встречаются в любой культуре), интерпретируется как типичное и закономерное. Результатом становится неадекватное коммуникативное поведение американцев, заведомый настрой на непунктуальность кыргызских, что в процессе совместной деятельности часто вызывает межкультурные помехи, дезорганизацию и потерю времени. Более того, при близком рассмотрении выясняется, что сверхчувствительное отношение ко времени у американцев не отвечает кыргызским представлениям о его эффективном использовании (к примеру, высидивание на заседаниях ровно столько времени, сколько отведено по плану, вне зависимости от поставленных целей, представляется нерациональным). С точки зрения американцев, время, вложенное в переговоры, – это своего рода инвестиция, которая должна принести доход, в то время как в кыргызской культуре большее внимание уделяется установлению личного контакта. В результате при общении кыргызов и американцев возникают определенные коммуникативные осложнения.

Овеществление времени в индоевропейских языках, рассмотрение его в виде набора единиц, отрезков, поддающихся счету, накоплению и прочим дейст-

виям, восходит к его отражению в языке как доступного чувственному восприятию – того, что можно тратить, терять, разбазаривать, экономить и т. д. (Для сравнения: в индейских языках отсутствуют слова для обозначения секунд, минут, часов.) Классифицируемые в языке образы мира подтверждаются, поддерживаются и усиливаются посредством других символических систем, практической и социальной деятельности. Объективация и овеществление времени через европейские языки, включая кыргызский и английский, породили такие понятия и предметы, как механические и электронные часы, календари, ежедневники, систему перехода на летнее время, наказания за опоздания и т.д., основанные на восприятии времени в виде дискретных визуальных единиц, поддающихся счету. Безусловно, ответственность за это несет не только язык, но и, как отмечает М. Маклуэн, а вслед за ним и ряд других ученых, развитие письма, позволившее визуально и пространственно представить субъективный опыт, подвергнуть время анализу и подсчету (в отличие от бесписьменных языков).

Время как линейная последовательность, векторный характер движения организованы индоевропейской глагольной системой. «Ось “настоящее – прошедшее – будущее” – это черта грамматики, проходящая через опыт нашего самосознания, от которой мы строим свое личное и культурное прошлое. Наше спряжение глаголов имеет буквальную и физическую силу», указывая направление действия вперед или назад на плоскости, на которой находится говорящий [Steiner 1975:132]. Дж. Стайнер считает, что будущее время выступает как средство самоидентификации субъекта с продолжением рода [ibid.: 160]. Возникают закономерные вопросы: будущее время – это действительность или категория нашего индоевропейского сознания? Является ли способность к планированию критерием реальности или лишь приближенности к желаемому? Может ли грамматика вместить и передать все особенности времени, его пульсацию, характер протекания, начальность и конечность? «Трудно сказать, – пишет Дж. Стайнер, – создает ли язык различную архетонику или грамматика определенного языка просто отражает и кодирует временную схему, сложившуюся за пределами языка <...>» [ibid.: 132].

Различия в восприятии времени в английском и кыргызском языках проявляются в видовременных системах (перфектные и продолженные времена в английском, совершенный и несовершенный вид в кыргызской и т.д.). Так, например, анализируя предложения «I have been waiting for you since 2 o'clock» и «Мен сизди эки сааттан бери кутуп жатам!», Ю.С. Степанов делает вывод, что «время ситуации в этих двух способах выражения членится по-разному: прошедшее время, употребляемое по-английски, показывает, что с приходом адресата временные планы сменились – то, что было до прихода, само ожидание, относится уже к прошедшему, а приход адресата кладет начало новому времени – настоящему», а в кыргызском языке настоящее время «свидетельствует, что время

ситуации – до прихода адресата и в момент его прихода – одно и то же <...>» [Степанов 1997:178].

Знакомство с видео-временными системами разных языков даёт понимание того, сколь многообразными могут быть способы представления категории времени в лингвокультурах. Например, кыргызы, хорошо знающие английский язык, начинают испытывать потребность во времени *Present Perfect* и пытаются выразить соответствующее грамматическое значение доступными средствами кыргызского языка: ал конференцияларда катышкан.

Культуры рассматриваются как ориентированные на: 1) прошлое (ценность прошлого опыта, упор на традиции, передача мудрости от поколения к поколению, цикличное повторение событий - прошлое повторяется в настоящем); 2) настоящее (простые радости сегодняшнего дня без заботы о завтрашнем); 3) будущее (текущие события важны не сами по себе, а как потенциал, вклад в достижение будущих целей). Как для американской, так и для кыргызской культур свойственны линейное восприятие времени и устремленность в будущее, однако наблюдаются определенные различия, которые из-за большого сходства игнорируются. В кыргызской культуре настоящее в большей степени рассматривается в связи с прошлым, в то время как в американской превалирует восприятие настоящего как начала будущего и слабая связь с прошлым (отсюда время *Present Perfect*, не имеющее аналога в кыргызском языке).

Ориентация американцев на будущее выражается в вере в то, что оно непременно означает прогресс (слова *progress* и *change* имеют ярко выраженную положительную коннотацию), долгосрочном планировании действий (иногда на несколько лет вперед), отсутствии сомнения в том, что все запланированное осуществится, и в соответствующих видах коммуникативного поведения (например, раннем объявлении о помолвке, беременности и т.д., искреннем выражении или имитации оптимизма и уверенности в завтрашнем дне). Старшинство не считается ценностью. Текущая деятельность важна не сама по себе, а как средство достижения будущих целей. Кыргызы в большей степени живут настоящим, являющимся продолжением прошлого, рассматривают мудрость прошлых поколений и явлений культуры как опору коммуникативного поведения. Для них более свойственно философское, скептическое и даже суеверное отношение к будущему («Эртенки кун бизге эмнени тартуулайт?»).

Для американцев чрезвычайно важным является понятие новизны. Компонент *new* содержится во множестве географических названий (*New World, New York, New Jersey, New Hampshire, New Mexico, New Orleans, New England, New Haven*), наименованиях политических явлений (*New Frontire, New Left, New Right*) и т.д. Популярное в США понятие *youth obsession* («помешательство на молодости») во многом определяет коммуникативные действия.

Период времени, в течение которого предмет или явление переходят из категории *new* в категорию *old*,

также относителен: восемь лет для президентства, год для моды, несколько месяцев для фильма, демонстрируемого в кинотеатре [Berry, Epstein 1999:153]. Отношение к возрасту (*young – old*) – ещё одно подтверждение относительности категории времени: возраст, считающийся «старым» в Кыргызстане, воспринимается как молодой в США, поскольку люди поздно вступают в брак и заводят детей. Различается восприятие понятий *рано/поздно*, приличествующей ситуации продолжительности монолога и диалога, частности мены ролей в процессе беседы и т.д.

Неодинаково и языковое членения времени. В английском языке отсутствует единица, соответствующая кыргызской «суткам», для её перевода используются словосочетания *twenty four hours, day and night*. В целом исчисление времени отрезком в 24 часа нетипично для американской культуры и лишь иногда встречается в расписаниях самолётов и поездов. Предпочтение отдаётся 12-часовому циклу с добавлением *AM* (до полудня) или *PM* (после полудня). В кыргызской и американской культурах по-разному воспринимаются понятия утро, вечер, ночь. Кыргызскому *три часа ночи* соответствует американское *three o'clock in the morning*; слово *tonight* не имеет кыргызского соответствия и передаётся словосочетанием бугун кечинде. Вообще понятие *night* в английском языке охватывает иной период времени, нежели в кыргызском языке, и часто становится причиной коммуникативных сбоев. Возраст тоже членится по-разному (ср.: *ребёнок – baby, child; девочка, девушка – girl; мальчик, юноша – boy*). В США возраст ребёнка до двух лет исчисляется месяцами (*eighteen months*), а в Кыргызстане – жылдар (бир жарым жаш).

Разница по времени (10 часов между Кыргызстаном и Нью-Йорком) – это существенный для МКК фактор, неучет которого может приводить к неловким ситуациям (таким, как звонок деловому партнеру посреди ночи). При трансконтинентальных перелетах через несколько часовых поясов у путешественников возникает нарушение суточного ритма организма, которое может в течение нескольких дней создавать помехи нормальной деятельности индивида, включая его коммуникативное поведение.

Быстрый темп американской жизни также находит языковое выражение, Б. Брайсон утверждает, что уже в процессе становления американского варианта английского языка речь отражала нетерпение поселенцев, которые нечетко проговаривали слова, оставляли предложения незаконченными, использовали сленг для обозначения незнакомых понятий [Byrson 1994:18]. С темпом жизни ассоциируются наименования реалий, ставших неотъемлемой частью американской действительности: *fast food, rush hour, expressway, superhighway* и т.д. В этой связи интересно замечание американского журналиста, который пишет:

«Perhaps it's because of the fast-moving American life-style and the slower English way of life that a candidate in Britain 'stands' for office, and in the US he 'runs'» [English, 1998.36:14].

Важно отметить, что из-за относительности категории времени синхрония может не срабатывать на стыке двух языков. В одно и то же историческое время языки могут находиться на разных стадиях развития (речь идет не столько о богатстве и бедности языков, сколько об определенных *тенденциях и отражении* социальных процессов). Так, для Кыргызстана лексика, имеющая отношение к рыночной экономике, сохраняет некоторую степень новизны, в то время как для США это давно устоявшиеся понятия. Таким образом, языки могут находиться в разных положениях на оси времени, чем также может быть обусловлено межкультурное непонимание.

Литература:

1. Гришаева Л.И., Цурикова Л.В. Введение в теорию межкультурной коммуникации: Учеб. пособие. - Воронеж: изд-во Воронеж. ун-та, 2003. - С. 85-138.
2. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации: Учеб. для вузов / Под ред. А.П. Садохина. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. - С.234-240.
3. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. - М.: Гнозис, 2003. - С. 29-35, 110-114.
4. Куликова Л.В. Межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты. На материале русской и немецкой лингвокультур. - Красноярск: РИО КГПУ, 2004. - С. 126-141.
5. Лебедева Н.М., Стефаненко Т.Г., Лунева О.В. Межкультурный диалог в школе. - Кн. 2. Программа тренинга. - М.: изд-во РУДН, 2004. - С. 41-77.
6. Русско-кыргызский словарь под редакцией академика Академии наук Киргизской ССР проф. К.К. Юдахина. «Кут бери». - Бишкек 2012. - 992 с.
7. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. - М.: СЛОВО/SLOVO, 2000. - С. 38-51, 112-132.

Рецензент: д.филол.н., профессор Сабирова В.К.